

ших канцелярий и многочисленных заводских контор, мастеровых, солдат. Дети иностранцев (6 человек) обучались в особом классе латинской школы, где преподавал немец Л. Сехтинг, не владевший русским языком.

Данные ведомостей позволяют говорить о претворении в жизнь требований Татищева о параллельном обучении учащихся чтению и письму, письму и арифметике согласно «Учреждения» 1736 г. как в Екатеринбурге, так и на периферии. Сведения же о приеме первых групп учащихся позволяют уточнить дату открытия школы при том или ином заводе, установить дату начала занятий вплоть до месяца и числа: с ноября 1735 г. — в немецкой, латинской, знаменованной в Екатеринбурге; в словесных: с 1735 г. Егошихинской (март), Лялинской, Кунгурской (апрель), Уктусской (май), Алапаевской (июнь), Пыскорской (август), Верх-Исетской, Каменской (сентябрь), Сысертской (ноябрь), Полевской (декабрь). В марте 1739 г. открылась словесная школа Кушвинского завода, в июне 1741 — Северская. Точно также удастся датировать и открытие арифметических школ при заводах по мере появления там обученных грамоте детей: Каменской (1736, ноябрь), Алапаевской (1737, январь); в 1738 г. — Сысертской (июль 1738 г.), Полевской, Лялинской (октябрь); Верх-Исетской (февраль 1741 г.). От Уктусской арифметической первая ведомость 1741 г. отсутствует, поэтому месяц ее открытия установить не удастся.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.; Д. 7. Л. 181–181 об.; Д. 9. Л. 93–93 об.; Д. 11. Л. 193; Д. 20. Л. 3–3 об.; 13–13 об.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 14–16; 430–433.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 128.

⁴ Там же. Д. 171. Л. 77–93; Д. 506. Л. 86–93 об.; Д. 450. Л. 212–214.

⁵ Там же. Д. 602, 625, 690, 694, 737, 762, 816, 857, 858, 906, 907, 952, 957, 1035, 1039, 1076, 1128, 1248, 2321. Отсутствуют лишь единичные ведомости за отдельные годы из-за неподачи их учителями.

Е. А. Тимохин

*Курганская государственная
сельскохозяйственная академия*

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦАРСКИХ ГРАМОТ: ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕВОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – СЕРЕДИНА XVII вв.)

В последние десятилетия исследователями было сделано немало для изучения деятельности различных аспектов воеводской администрации западносибирских уездов¹. Однако сложным остается делопроизводствен-

ный аспект: нормативная основа деятельности и специфика законодательных источников, на которые опиралась в своей деятельности воеводская администрация.

Так, в конце XVI – начале XVII вв. имелись грамоты без повествовательной части, касавшиеся самых разных вопросов, при этом высокая роль отводилась распорядительной части. Одновременно росли объём и качественная составляющая нарративной части грамот. Для конца XVI – начала XVII вв. характерно, когда источником нарративной части рассматривался один документ².

Однако в течение первой половины XVII в. система оснований усложняется. Помимо указаний на предшествующую грамоту в виде формулы «по нашему указу», либо в любом другом виде, в распорядительной части грамоты включаются фрагменты, по содержанию идентичные нарративной части. Так, в царской грамоте тюменскому голове Ф. Янову от 30 января 1600 г. нарративная часть представлена указанием на нормы учреждения ямской гоньбы: «Велели есмя меж Верхотурья и Тюмени в Епанчине юрте строить ям...»³. Сравнение с описательной частью более поздних грамот дает основание считать «велели есмя» – указанием на нормы, предшествующих грамот. Так, в 1604 г. в Тюмень поступила грамота, в которой рассматривался вопрос об участии Тюмени в строительстве Томска⁴. В нарративной части содержалось такое указание: «...а для городского ставленья велели есмя послати из Сургута Гаврила Писемского да из Тобольска Василия Тыркова, а с ними...служивых людей...»⁵. «Велели есмя» – указание на предшествующий документ, поэтому данная практика могла быть использована ранее. В грамоте голове Ф. Янову также говорится об учреждении «яма», которое в начале XVII в. в Сибири осуществлялось на основе положений царских грамот: в 1601 г. именно на этой основе было предписано учредить «ям» в Тюмени и Туринске⁶. При этом нормы организации «яма» в Туринске делали акцент на обустройстве дворов и хозяйства ямских, а в Тюмени — и на обустройстве, и на социальном составе ямских: «А из каких людей учнут на Тюмени в ямшики прибираться, и ты б о том отписал...»⁷. В описательной части грамоты имеется ссылка на опыт Верхотурского уезда и Япанчинского юрта⁸. В целом, в нарративной части царской грамоты могло содержаться указание на 1–2 основополагающих документа, с которыми так или иначе могли быть связаны нормы грамоты. Указание на множественность источников норм при их некоторой размытости в качественно – количественном отношении не отличает конец XVI – начала XVII вв. от первой половины и середины столетия. Так, основанием для резолюционной части грамоты тобольскому воеводе князю Г. Куракину от 12 июня 1645 г., определявших права и обязанности ямских охотников и сургутских ясачных людей, стали нормы одной из

грамот 1643–1644 г., многочисленные челобитья, отписки воевод, на часть из которых имеются указания в распорядительной части⁹.

Наличие большого количества оснований и источников норм распорядительной части имело свои последствия. С одной стороны, это ставило развитие законодательства, в большей степени административное, в зависимость от конкретной обстановки на местах. С другой стороны, приказной дьяк или подьячий, перерабатывая документы, мог и, скорее всего, привносил определенную долю субъективизма, несмотря на формулярность многих законодательных дефиниций и указаний. Привнесение субъективизма частично сближает резолюционную часть грамот середины XVII в. и грамот конца XVI – начала XVII вв.¹⁰ Наличие общих принципов и практики работы тогдашних «юристов», как следует из указанного, попросту тормозило развитие законодательства в теоретическом направлении, в том числе и в Сибири, и ставило его в зависимость от конкретно-исторических обстоятельств и субъективизма администрации. Усложнение системы оснований – один из критериев историко-правового развития. Наличие оснований и удельный вес описательной части в общей структуре документа задавал следующие тенденции развития.

Уменьшение повествовательной части грамоты стало показателем усиления влияния Москвы на местную администрацию. Как следствие – все меры приказных чинов, бояр, вплоть до царя, предпринимались на основе собственных представлений, исходя из целей проводимой политики. Так, часть грамот, адресованные тобольским воеводам, предметом которых были отношения церкви и государства, в 1620–1626 гг. вообще не содержали нарративной части или оно начиналось формулой «по нашему указу», что говорит об изначальной зависимости местных законодательных норм от причин политических, от решения «сверху»¹¹. Вместе с тем, это означало, что процессы колонизации не всегда могли быть приняты во внимание при формулировке юридических норм. Не случайным мог быть и фактор «вбрасывания» юридических норм в процессе развития управленческих структур: при учреждении епархии в 1621 году на определения правового статуса церкви и государства было направлено большое количество грамот исключительно распорядительного характера¹². Москва пыталась жестко контролировать процесс учреждения епархии на местах, дело дошло до попытки выселить тобольского воеводу М. М. Годунова из своего дома с тем, чтобы предоставить его архиерею, однако такой контроль не возымел свое: то же строительство Собора в Тобольске было осуществлено тщательно, но не в соответствии с распоряжениями Москвы¹³.

Таким образом, соотношение нарративной и диспозитивной части было существенным показателем подчинения всех сфер общественной жизни и социальных групп общества интересам государства. Наличие официального основания в юридической документации – показатель его изменчиво-

сти, так как оно менялось в зависимости от ситуации¹⁴. Уменьшение описательной части могло способствовать росту влияния в законодательстве юридических причин, вытекающих из норм диспозитивной части грамот, роли личности законодателей. Увеличение объема нарративной части могло иметь и другое объяснение. Развитие юридических норм в этом случае начинало определяться внешними факторами, т. е. историческим развитием западносибирских территорий и общегосударственных событий, в том числе и природно-географическими факторами (выбор места под строительство города или острога, стихийные бедствия и т. п.). Неоднократно отмечаемые явления природы могли существенно повлиять на характер и содержания распоряжений воевод¹⁵. Подобным образом на характер норм могли оказать влияние и социокультурные процессы. Вместе с тем нужно иметь в виду и сам характер решений диспозитивной части по двум причинам. Во-первых, законодатель мог изначально «подогнать» нарративную часть под распорядительную, во-вторых, указанные значения описательной части, его объем относительно резолюционного составляющего не всегда отражали установленную закономерность. Схожие тенденции могли иметь место и в распоряжениях воеводских отписок. Тем самым для законодательных документов Западной Сибири XVII в. была характерна многофункциональность. Так, царская грамота могла заменять или дополнять нормы наказов, как это было при строительстве Томска¹⁶. Впрочем, подобное характерно и для Восточной Сибири¹⁷. Отписки также могли выполнять не только коммуникативную функцию, т. е. передачу сведений, но и распорядительную — выступать в качестве нормы, предписания¹⁸.

Таким существенным фактором стало преобладание либо повествовательного, либо резолюционного компонента, что определяло сущность норм, а главное было показателем взаимосвязи между колонизацией региона и развитием законодательства.

¹⁴ *Ананьев Д. А. Система воеводского управления в освещении историков-сибиреведов // Сибирь в XVII–XX веках : проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 3–18 или Сибирская заимка. 2002. № 4 www.zaimka.ru. (дата обращения: 12.01.2008/15:45); Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Кравецкие записки. Тюмень, 2001. Вып. IV. С. 10–16; Солодкин Я. Г. Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (Новые материалы) // Там же. С. 16–19; Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в.: Автореф. дис.: ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18–23; URL: <http://clar.usu.ru/bitstream/1234.56789/686/1/urgu0334s.pdf> (дата обращения: 12.02.2010/18:55); Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 16–42.*

¹⁵ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. М., 1999. № 30; Там же. Т. 2. № 4; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 3, 8, 36, 37, 39, 43.*

-
- ³ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т.1. № 33.*
- ⁴ Там же. № 54.
- ⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1875. Т.2. № 50.
- ⁶ *Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. № 40; Т. 2. № 20.*
- ⁷ Там же. Т.1. № 41; *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1941. № 21.*
- ⁸ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т.2. № 21.*
- ⁹ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т.2. № 424.*
- ¹⁰ См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 13. Л. 21 – 28; Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 3. Стб. 164. Л. 1 – 3.
- ¹¹ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1994. Вып. IV. № 2, 4–6, 8–9, 12–13, 46–60.
- ¹² Там же. № 2, 4, 7–18, 21; *Покровский Н. Н. Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Сибирская заимка. 2001. № 6. С. 2* <http://www.zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml>; (дата обращения: 5.10.2010/17:50).
- ¹³ *Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 16. Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 2* <http://www.zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml>; (дата обращения: 5.10.2010/17:50).
- ¹⁴ См. также: ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. И – 47. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 – 1об.; Д. 121. Л. 1.
- ¹⁵ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 1. С. 304; Приложение. С. 441; Т. 2. С. 65; Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 2. № 279, 280.*
- ¹⁶ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. № 54, 55; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники. / под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск, 1996. Вып. VII. № 1–2; Русская историческая библиотека. Т.2. № 73.*
- ¹⁷ Первое столетие сибирских городов... № 13; *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 2. № 237; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (ДАИ). СПб., 1848. Т.3. № 83; Акты исторические... Т.4. № 31.*
- ¹⁸ *Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 1. № 27; ДАИ. Т. 3. № 38.*

Э. А. Черноухов
Уральский государственный
педагогический университет

ДОКУМЕНТЫ О ВРАЧАХ ГОРНЫХ ОКРУГОВ УРАЛА XIX В. В СОБРАНИЯХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК*

В исследованиях по истории уральской медицины XIX в. имеются существенные материалы о жизни и деятельности только трех самых известных врачей, служивших на уральских горных заводах: А. А. Миславском,

* В рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ–Урал № 11-11-66011а/У.